

УДК 215:261.6

Н. П. Бевзюк,

кандидат исторических наук,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

кафедра философии и основ общегуманитарного знания

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена вопросу национальных отношений в условиях существования двух основных проблем современности: 1 — политизации религиозных институтов в системе двух или многоуровневых отношений; 2 — глобализация и политизация мирового сообщества. Основопологающим моментом данной проблематики является миграция населения, формируя иную культуру и иное религиозное мировоззрение, приводящее к конфликтным ситуациям и геополитическим изменениям. В статье анализируется ассимиляция чужеродных организаций в иных религиозных и культурных образованиях.

Ключевые слова: религиозные организации, глобализация, религиозный плюрализм, миграция, глобализация религиозных институтов, глобальный миропорядок.

Постановка проблемы. Все чаще обнаруживаются ситуации, когда религиозное сознание и религиозные темы оказываются востребованы в модернизационных процессах глобализации. И тогда религиозные процессы становятся частью глобальной цивилизации как модель складывающегося миропорядка, определяя границы зон активности приоритетов субъектов политического и экономического действия. В связи с этим целью данного исследования является определение роли религии и религиозных организаций в глобальном мире.

Поэтому можно говорить о религиозном измерении глобального миропорядка и о вызовах, на которые религия формирует активные или пассивные ответы. В том числе в качестве проектов нового миропорядка, складывающихся внутри религиозных институтов, и в виде структуры глобальных религиозных сетей, формирующихся параллельно сетям экономически-политическим, техническим, социокультурным.

Целью настоящей публикации является рассмотрение таких моментов: как религиозные институты сталкиваются с рядом вызовов складывающейся глобальной цивилизации и новым глобальным миропорядком, как религиозные институты стремятся найти ответы на эти вызовы (в виде особых процессов глобализации религиозности и становления глобальных религиозных структур, складывающихся параллельно процессу формирования глобальной цивилизации).

Новый глобальный миропорядок в качестве ценности и реального положения дел включает в себя религиозный плюрализм. Это означает, что ни одна религиозная система не может рассматривать себя как доминирующую

вероучительную систему и должна выстраивать долговременные системы диалоговых взаимоотношений с другими религиями. Важным симптомом подобного положения дел является постоянное увеличение роли и активности межрелигиозных организаций (например, Всемирный Совет Церквей), постоянно действующих «круглых столов», совещаний. В организационных структурах традиционных церквей расширяются и усложняются системы, ответственные за внешние связи (межрелигиозные и светские). В структурах светских международных организаций складываются службы, специализирующиеся на постоянных контактах с религиозными организациями. Появляется инфраструктура консультаций между светскими и религиозными институтами глобального уровня по конкретным вопросам нового понимания и перераспределения зон влияния. Характерной чертой и «общим местом», по которому существует молчаливое согласие, является примат норм международного права над региональным, доминирование доктрины прав человека над доктриной права организации и страны. Иными словами, реально практикуются нормы религиозной версии доктрины «органического суверенитета» [1, с. 314.] Это вызывает напряжение между классическим подходом, предполагающим существование особых зон духовной ответственности и духовного попечительства, закрепляющих за ведущими конфессиями традиционные территориальные зоны, и новым подходом «поверх барьеров», в которых доктрина ограниченного суверенитета распространяется на межрелигиозные отношения. То есть любая территория обладает равным религиозно-правовым статусом по отношению ко всем религиозным группам. Деятельность этих групп регулируется международным правом, исключающим юридическое оформление зон преимущественной духовной ответственности какой-либо религиозной организации.

Становление глобальной цивилизации, сопровождающейся процессами унификации и стандартизацией моделей культуры, в качестве реакции на эти процессы вызвало повышенное внимание к религиозным и национальным меньшинствам как проблемным объектам, требующим к себе проявление заботы, защиты и сохранения от уничтожения под влиянием глобальной массовой культуры. Не входя в обсуждение оправданности этих опасений, следует отметить наличие серьезной тенденции в глобальной сверхцивилизации к выделению и обустройству особых ниш для существования и самобытного развития религиозных меньшинств. «Внимательное отношение к позиции и правам религиозных меньшинств, избегание стратегий прямой ассимиляции (обращения) — одна из особенностей стандартов, предъявляемой глобальной цивилизацией к традиционным конфессиям» [2, с. 231]. Это существенно отличается от стратегии активной и настойчивой миссионерской работы, которую некоторые традиционные конфессии практиковали в течение столетий. Проекты поддержки религиозных меньшинств инициируются преимущественно светскими международными структурами. Тем не менее сотрудничать с этими программами и проектами приходится специальным структурам аппаратов традиционных конфессий, ответственных за работу с религиозными меньшинствами. Это обстоятельство иногда требует вносить коррективы в традиционные системы вероучительной

практики (однократные, как, например, покаяние Папы Иоанна Павла II 12 марта 2000 г., или многократные, как, например, устранение препятствий для иудео-христианского диалога, наличествующих в религиозной литературе, используемой в христианской богослужебной практике).

Глобальная цивилизация предполагает резкое повышение скорости вовлечения в региональный конфликт мирового сообщества и стремительное приобретение этим конфликтом статуса международного. Участие в управлении этим конфликтом (или кризисом) оказывается объектом борьбы и соперничества основных субъектов действующей мировой политической системы. Так как многие локальные и региональные конфликты в качестве движущих мотивов своего развития (обострения или смягчения) включают религиозные мотивы, то складывается положение, когда религиозные институты оказываются вовлечены в ситуации, имеющие все признаки межрелигиозных войн и конфликтов. Одна из особенностей включенности религиозных институтов в глобальную цивилизацию по признаку вовлеченности в остroteкущие конфликты заключается в той непривычной для традиционных конфессий коллизии, когда, во-первых, внутриконфессиональное действие становится событием публичной политики и, во-вторых, светские власти часто с завышенными и небескорыстными надеждами обращаются к религиозным институтам за миротворческими инициативами. То есть светские власти вольно или невольно провоцируют втягивание религиозных институтов в конфликтные и кризисные ситуации. Подобное вовлечение составляет серьезную проблему и угрозу уже для внутренней стабильности религиозных институтов, ибо включившись в международный конфликт и не разрешив его, религиозная организация впускает этот неразрешенный конфликт во внутреннее пространство своей собственной религиозной системы, что таит в себе опасность религиозных расколов и распадения. Глобальные цивилизационные процессы, формируя новый миропорядок, создают инструменты строительства и функционирования этого миропорядка: международные политические и гражданские институты. Эти институты создают свои аппараты, действующие автономно, решая свои собственные задачи перераспределения внутриорганизационных властных полномочий. Религиозные организации, включаясь в инфраструктуру международных консультативных, совещательных и властных институтов, вынуждены создавать свои аппаратные структуры, имеющие статус международных. Как и светские аппаратные структуры, они ставят и решают собственные задачи аппаратного свойства: распределение мест и квот в представительных и исполнительных органах и структурах, лоббирование групповых интересов, переговорные процедуры, сближение интересов участников многочисленных переговоров, делегирование полномочий. То есть в каждой религиозной организации появляются аппаратные структуры, призванные рассматривать стратегию религиозной организации из глобально цивилизованной или геополитической перспективы. Если религиозная организация по традиции не имела глобальных проектов миссионерского, экуменического характера, подобная глобализация внутренней сферы деятельности вызывает трудности. Следует помнить, что

мировые религии всегда осознавали свою деятельность в геополитическом контексте построения нравственных универсальных моделей культуры, политики, экономики. Поэтому подключение к глобально цивилизационным процессам выглядит вполне естественным.

Архитектура нового глобального миропорядка с его сложной системой политического, экономического, социокультурного и правового зонирования пространства глобальной цивилизации заставляет религиозные институты существовать в разнородном правовом, политическом, культурном и экономическом полях. Подобная ситуация усложняет поддержку внутренней стабильности и интегрированности религиозных институтов, традиционно склонных к внутренней унифицированности и иерархическим структурам внутренней власти. Особые документы, регламентирующие внутренние нормы религиозного права и являющиеся частью вероучительной доктрины и практики, вынуждены учитывать различные правовые традиции и системы, в пространстве которых и приходится действовать филиалам и отделениям (миссиям) религиозных международных организаций. Правовой статус отдельной централизованной организации и допустимые формы активности существенно дифференцированы в зависимости от уровня и зоны глобальной цивилизационной системы, где обнаруживается и поддерживается активность специализированных религиозных институтов (орденские и неорденские централизованные структуры). Необходимость вписаться в грядущий миропорядок является серьезным вызовом для традиционных орденских структур. В частности, проблемы возникают в связи с двумя потенциально возможными реакциями: во-первых, самоизоляция, что в итоге может привести к исчезновению орденских структур, во-вторых, разрушение внутренней властной вертикали, что означает для традиционного ордена не только потерю технологических возможностей внутреннего управления, но и утрату способности к духовной активности, где властвует вертикаль — не только базовая конструкция религиозной организации, но религиозно-воспитательный компонент вероучительной системы.

Несмотря на сложную конфигурацию складывающегося пространства глобальной цивилизации, на формирование новых замкнутых зон, границ и этажей в архитектуре нового глобального миропорядка, традиционные религиозные институты сталкиваются с прогрессирующим явлением, когда благодаря инфраструктуре глобальных систем массовых коммуникаций эти границы и перегородки между этажами разрушаются, и возникают всплески массовых увлечений каким-либо ярким проповедником или организацией, которые длительное время могут оставаться малоизвестными, но на некоторое время могут овладеть воображением миллионов последователей в разных странах и регионах мира. Наиболее известные примеры такого рода — волны «харизматических обновлений», которые, зарождаясь в достаточно замкнутых пятидесятнических церквях США, получали массовое распространение в странах Южной Америки, особенно в Бразилии, а затем обнаруживались в Европе и Африке. Особенностью этих движений является доктринальная простота и ориентация на эмоциональное вовле-

чение последователей. При этом харизматическое возрождение охватывает и традиционные церкви, в частности католическую молодежь, к которой обращаются католические клирики, но уже в неожиданной для традиции манере пятидесятнического телепроповедника. Наиболее известная фигура последних лет — католический священник из Бразилии о. Марчелло Росси, собирающий большие аудитории молодежи на свои проповеди и рассматривающий свою манеру как альтернативу пятидесятническому влиянию в католической молодежной среде.

Как показывает опыт последних лет, те процессы, которые можно уже определять как массовые, складывались в последнее десятилетие как новая волна строительства харизматических общин, которые носят программно транснациональный и трансконфессиональный характер, но имеют одну цель — обновление опыта веры в новых цивилизационных условиях. Для традиционных религиозных институтов главной проблемой является внутреннее столкновение двух тенденций, одну из которых эти институты вынуждены поддерживать и приветствовать, а другую тенденцию всячески избегать. Первой тенденцией является реальный опыт оживления религии и веры, приводящая в пустеющие храмы молодежь. Вторая тенденция — размывание границ религиозной идентичности, что рассматривается как серьезная угроза и вызов внутрицерковному единству.

Необходимо отметить несколько стратегий, реализуемых религиозными институтами в качестве ответа на вызовы глобальных цивилизационных процессов. Религиозные институты осознают себя как структуры глобального, а не регионального уровня. Строительство и развитие организационных структур религиозных организаций осуществляется как развитие структур глобальных организаций, чье поле деятельности — территория всего мира и населения всех стран, т. е. транснациональный характер вероучительных систем большинства мировых религий получает организационную поддержку и практическое (светское, юридическое, экономическое и культурное) оформление от процессов становления глобальной цивилизации. Можно утверждать, что транснациональные (по всей традиции, правилам внутреннего распорядка, истории) орденские (например, монастырь в миру) структуры одними из первых и максимально использовали в своей практике преимущества, которые дает для развития международных организационных структур процесс становления глобальной цивилизации. К числу таких преимуществ относится процесс упрощения визового режима для некоторых геополитических зон, унификация и упрощение процедур приобретения собственности в зонах за пределами территорий, где находится международный религиозный центр, и, наконец, практика доминирования норм международного права над местным.

Реально состоявшийся религиозный плюрализм и массовая секуляризация снижают численность формально интегрированных в религиозные структуры адептов, но одновременно порождают в безрелигиозной, светски ориентированной глобальной культурной среде массовую «усталость от безверия» и поиска веры, являющегося результатом и обратной стороной массовой секуляризации. Личный путь, который в разных тради-

циях называется либо «пробуждением», либо «призванием» [3, с. 45], порождает вид религиозности, мало известный прежним религиозным эпохам, но существенно влияющий на облик современной неофициальной или внеорганизационной религиозности, из носителей которой все в большей степени формируются и организованные традиционные религиозные институты. Этот путь личного поиска может содержать в себе этапы колебаний, перехода из одной церкви в другую, от вероучительной системы к другой.

Для современной религиозности характерна многоступенчатость, вариативность и диффузность переживаний, заявлений, поисков предпочтений. Ответом на этот массовый запрос является возникновение сетей групп, осуществляющих индивидуальную работу. Развиваются проекты, где личные духовные поиски реализуются и организуются в виде особых духовных путешествий, которые находятся между проектами рекреационно-оздоровительными и паломничества по отмеченным на религиозной карте мира местам. Складываются организационные структуры социальной и психологической помощи при традиционных и нетрадиционных религиозных институтах без формальной включенности проектов социальной и психологической помощи в организационные структуры религиозных институций. Тем самым достигается решение двух взаимно противоречивых задач, поставленных перед религиозными институтами массовой секуляризации и одновременно массовой же усталостью от секуляризации: самосохранение традиционной религиозности путем некоторой самоизоляции в мире религиозного и культурного плюрализма и в то же время увеличение своего влияния на ищущих религиозных ответов светских людей через дочерние организационные структуры, имеющие статус светских духовно-культурных (но не религиозных) инициатив и проектов.

Особенно стоит отметить значимость возникновения и развития института приватной веры. В отличие от модели «предверы», «неопределенной диффузной веры», «ищущей веры», которая сопровождает секулярное общество и вполне может завершиться включением в какую-либо традиционную религиозную систему, институт «приватной веры» не предполагает такой перспективы. Адепты — сторонники института «приватной веры», внеконфессиональной религиозности — не стремятся к включению в традиционную религиозную организацию. Непосредственным следствием подобной установки является отказ от регистрации в местных и центральных органах власти как религиозной организации, либо принятия статуса светской организации, либо, по вполне объективным или субъективным причинам, отказ от любой регистрации. Нормы современного права по регулированию правоотношений религиозных объединений и властей предоставляют правовую базу для такого рода легального уклонения от взаимодействия с властью. Иными словами предоставлена возможность для духовной экстерриториальности, что в свою очередь дает правовые основания для включения в глобальные сетевые структуры, минуя контакты с властными местными структурами. Создаются условия для существенного расширения понятия «религиозный институт», «религиозная груп-

па». Создаются многочисленные переходные состояния и статусы между светской организацией и религиозной в традиционном смысле. Становится более размытым и многомерное понятие «верующий». Достаточно напомнить феномен включенности сразу в несколько религиозных институтов или в институт внеконфессиональной, приватной веры. В результате указанных процессов подвергаются диверсификации структуры власти внутри традиционных конфессий: повышается статус мирян и увеличивается число возможных форм религиозного служения. Подобное развитие касается и статуса отношений со светской властью и со светскими организациями, оказывающими помощь религиозным институтам. Так, например, многие организационные проблемы решаются с помощью создания ассоциаций и друзей прихода или религиозного центра, института, которые, являясь светскими гражданскими инициативами, берут на себя заботы, которые раньше были в ведении центральных аппаратов традиционных религиозных аппаратов. Традиционные религиозные институты реализуют несколько взаимосвязанных стратегий интеграции в сложную и многоуровневую архитектуру нового порядка.

Во-первых, следует констатировать формирование параллельной религиозной глобальной культуры и религиозного пространства, которые обладают своей многоуровневой архитектурой, уровни которых не совпадают с уровнями светской глобальной культуры. Во-вторых, религиозное параллельное пространство выстраивается с помощью религиозных сетей — от общины к общине, от религиозной группы к религиозной группе — минуя границы и создавая систему религиозных транснациональных институтов, которые структурируют архитектуру нового религиозного миропорядка. Интеграция в светскую геополитическую архитектуру нового миропорядка не является первостепенной. В той степени, в какой это представляется необходимым для лидеров и аппарата религиозных транснациональных сетей, контакты с различными уровнями властных структур осуществляются через посредничество международных организаций типа Всемирного Совета Церквей [4, с. 12]. Все более значительную роль в новой архитектуре религиозного глобального пространства играют религиозные сообщества, избегающие регистрации как на локальном или национально-государственном уровне, так и на уровне международных организаций. Эти сообщества ориентированы на духовную работу с индивидуальными членами сообществ, ориентируясь на модель «приватной веры». Они образуют транснациональные сетевые структуры, которые развиваются исключительно в пространстве приватных межличностных коммуникаций, используя легальную возможность неизменно уклоняться от контактов с властями (как светскими, так и церковными), что позволяет этим сообществам быть на законных основаниях совершенно непредсказуемыми и непрозрачными для всех уровней светской власти. Именно подобная тенденция развития не претендующих на регистрацию сообществ, практикующих различные формы религиозности, позволяет говорить о становлении архитектуры религиозного глобального пространства, параллельного архитектуре нового геополитического пространства.

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие **выводы**, что отношения государства и общества различны в разных частях мира и что сферы общественной жизни также различны. Организация религиозной жизни, место религии в общественной архитектонике, формы и методы распространения веры и религиозных идей настолько различаются, что практические и теоретические проблемы и последствия, возникающие в связи с этим в контексте традиционных религий, с большим трудом поддаются объективной интерпретации. Необходимо учитывать и отдавать себе отчет в том, что в Европе и США религия и политика в такой же степени связаны в единое целое, как и в западных обществах. В соответствии с новыми потребностями времени в исламе также обсуждаются новые идеи: проблемы обновленческого салафизма, роль и значение вахабизма, джихадизма, исламизма и даже исламского активизма [5, с. 5–25].

Национальные государства функционируют в глобальном контексте или в мировой системе национальных государств. Несмотря на все положения либеральной экономической теории о свободной торговле, антипротекционизме и тому подобном, современные экономики — это национально-ориентированные экономики, оперирующие в рамках мировой системы капитализма. Аналогично национальные государства взаимодействуют в транснациональных компаниях и организациях международной политики, таких как ООН, ЕЭС и др. В этом смысле национальное государство всегда было глобальным или, точнее, всегда существовало в диалектических отношениях с глобальными процессами. В настоящее время произошло замещение многонациональных корпораций, которые интегрировали более или менее автономные производственные и рыночные средства на территориях целого ряда национальных площадок, транснациональными корпорациями, берущими отдельный производственный процесс и заново размещающими его на площадках в разных регионах мира. Аналогичным образом мигрантам все менее необходимо передвигаться из одного национального государства в другое и все более удобно использовать для движения более сложные сети, связывающие рабочие площадки. Эти люди живут, во многих местах практически одновременно. Подобное развитие событий позволило немалому числу теоретиков глобализации и транснационализма предположить, что наблюдаемые феномены указывают на кризис «национального», а, следовательно, свидетельствуют о необходимости принуждения национальных государств более динамично адаптироваться к «транснациональному», и здесь вполне видна тенденция: каждое движение навстречу цивилизационному уровню прямо свидетельствует о потенциальном кризисе национального государства.

Литература

1. Хюбнер К. Нация. От забвения к возрождению. — М.: Канон, 2001. — 400 с.
2. Парфи Витторио Эмануэль. Предотвращение войны в мире упреждающих войн. Диалог цивилизаций как инструмент мира // Вестник «Мировой общественный форум. Диалог цивилизаций». — 2004. — № 1. — С. 216–231.

3. Мирский Г. И. «Политический ислам» и западное общество. — М.: ПОЛИС, 2002. — № 1. — С. 44–62.
4. Леконт Б. Перед лицом исламизма христиане объединяются // Известия. — 2006. — 16 мая.
5. Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. — 2006. — № 1. — С. 5–25.

Н. П. Бевзюк,

кандидат історичних наук,

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра філософії та основ загальногуманітарного знання

РЕЛІГІЙНИЙ ВИМІР ЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ

Резюме

Стаття присвячена питанню національних відношень в умовах існування двох основних проблем сучасності: 1 — політизація релігійних інститутів в системі двох- або багаторівневих відношень; 2 — глобалізація та політизація світового суспільства. Основоположним моментом цієї проблематики є міграція населення, яка формує іншу культуру та інше релігійне світосприйняття, і призводить до конфліктних ситуацій в геополітичному вимірі. В статті аналізується асиміляція чужорідних організацій в інших релігійних і культурних утвореннях.

Ключові слова: релігійні організації, глобалізація, релігійний плюралізм, міграція, глобалізація релігійних інститутів.

N. P. Bevziuk,

PhD (History), associate professor,

Odessa National I. I. Mechnikov University,

department of philosophy and fundamentals of humanitarian knowledge

RELIGIOUS ASPECT OF CIVILIZATION PROCESSES

Summary

The article is devoted to the problem of national relations under the conditions the two main problems existing nowadays: 1 — politization of religious institutions in the system of two-or-many-leveled relations; 2 — globalization and politization of the world community. The basic principle of the given problem is migration of population forming a new culture and a defferent religious outlook, which leads to conflict situations and geopoitical changes. The article analyzes the assimilation of alien organization in different religious and cultural formations.

Key words: Religious organizations, globalization, religious pluralism, migration, globalization of religious institutes, world order.